

DOI 10.15826/qr.2017.1.217
УДК 913(985)+314.72+94(470)

ПОЛИТИКА ОСВОЕНИЯ КРАЙНЕГО СЕВЕРА И КРИТИКА ЖИЗНЕННЫХ УСЛОВИЙ АРКТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ В НАРРАТИВАХ ХРУЩЕВСКОГО ВРЕМЕНИ*

Екатерина Калеменева

Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики,
Санкт-Петербург, Россия

MASTERING THE EXTREME NORTH: POLICIES AND LIVING CONDITIONS IN ARCTIC CITIES UNDER KHRUSHCHEV'S TIME**

Ekaterina Kalemeneva

National Research University Higher School of Economics,
St Petersburg, Russia

This article considers the way in which the development policy for the Extreme North during the post-Stalin era influenced criticism of living conditions in Arctic cities. With reference to periodicals published in Vorkuta, Norilsk, and Mirny, the author analyses how the official rhetoric that claimed to improve the well-being of the local population and change the social structure of northern cities contributed to a reflection on urban issues both in the former labour camps and in new industrial cities. The abolition of the gulag and the extensive exploitation of natural resources in the USSR's Extreme North caused more people to migrate to the region in the first half of the 1950s. In official narratives of this period, the cities of the Extreme North became symbolic of the conquest of harsh nature: they were used as proof of the homogeneity of inhabited space

* Исследование проведено при поддержке программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ 2016 (проект № Т3–59).

** *Citation:* Kalemeneva, E. (2017). Mastering the Extreme North: Policies and Living Conditions in Arctic Cities under Khrushchev's Time. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 1, p. 153–170. DOI 10.15826/qr.2017.1.217.

Цитирование: Kalemeneva E. Mastering the Extreme North: Policies and Living Conditions in Arctic Cities under Khrushchev's Time // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 1. P. 153–170. DOI 10.15826/qr.2017.1.217 / Калеменева Е. Советская политика освоения Крайнего Севера и критика жизненных условий арктических городов в нарративах хрущевского времени // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 1. С. 153–170. DOI 10.15826/qr.2017.1.217

and the fact that a Soviet reality could be created in any natural conditions. Mass immigration to these cities (and the outflow of workers from central regions) favoured the free circulation of information and the emergence of strong criticism of the living conditions in the cities in question.

Keywords: Extreme North; Arctic cities; Khrushchev's thaw; migration; living conditions.

Рассматривается влияние политики освоения Крайнего Севера в после- сталинский период на появление критики условий жизни в арктических городах. Анализ материалов периодической печати Воркуты, Норильска и Мирного показывает, как официальная риторика, провозгласившая целью улучшение благосостояния населения, изменение социального состава северных городов, способствовала появлению рефлексии на городские проблемы как в бывших лагерных поселениях, так и в новых индустриальных городах. Закрытие системы ГУЛАГ, усиленное освоение полезных ископаемых на Крайнем Севере СССР стимулировали широкие и слабо контролируемые миграционные потоки в регион со второй половины 1950-х гг. С этого времени в официальных нарративах города Крайнего Севера стали символами покорения суровой природы и использовались в качестве доказательства однородности жизненного пространства, возможности создать советскую повседневность в любых природных условиях. Динамика массового притока и оттока рабочих из центральных регионов способствовала открытости информации и возникновению резкой критики существующих условий жизни в этих городах.

Ключевые слова: Крайний Север; арктические города; хрущевская оттепель; миграции; условия жизни.

Определение проблемы

Понятие «Крайний Север» имеет множество определений и географических локализаций, при этом практически половина территории России относится к регионам Крайнего Севера или приравненных к нему¹. Будучи слабо освоенной и мало исследованной территорией еще в начале XX в., с конца 1920-х гг. Крайний Север стал одним из наиболее динамично изменяющихся регионов благодаря обнаружению богатейших запасов различных полезных ископаемых. Массивное индустриальное освоение Заполярья началось с 1930-х гг., чему способствовало развитие судоходства по Северному морскому пути². История освоения советского Крайнего Севера зачастую описывает-

¹ В статье понятия «северный», «арктический» и «полярный» используются в качестве синонимов.

² В работе речь идет только о новых индустриальных поселениях на Крайнем Севере, возникавших параллельно с ресурсными и производственными очагами. Более старые северные города (например, Архангельск, Якутск и др.) имели иную социальную структуру, другие практики хозяйствования и систему управления.

ся исследователями через призму обнаружения новых месторождений и развития индустрии, колебаний или стабильности геополитических интересов и административных подходов к освоению региона [McCannon, 1998; Josephson]. Однако создание индустриальных центров влекло за собой не только появление разветвленной транспортной инфраструктуры, миграции населения, но и строительство многочисленных городов. Полярные города, нередко расположенные в сотнях километров друг от друга, стали важнейшими элементами сети (или «очагами пионерного освоения» [Славин, 1958, с. 4]), которая связала Арктический регион с центром страны в административном, социальном, экономическом и культурном отношении.

Первая массовая волна создания индустриальных поселений на Крайнем Севере была связана с разрастанием системы ГУЛАГа, когда параллельно с лагерями формировались поселки вольнонаемных, из которых позднее выросли некоторые крупнейшие арктические города [Barenberg, с. 161–198]. Однако этот процесс сложно назвать полноценной урбанизацией, если учитывать, что понятие города подразумевает не только административный статус, размеры и характер занятости населения, но и определенные социальные практики и отношения внутри пространства и к этому пространству, а потому – публичность [Сойя, с. 133–134]. Последнее было не характерно для многих северных индустриальных поселений: большинство из них не имело официального статуса города до 1940–1950-х гг. Их также сложно считать типичными городами как по организации социальной жизни (с учетом того, что большинство обитателей оказывались там не по своей воле)³, так и по их планировочной структуре. Даже возникшие в 1930-е гг. крупнейшие арктические населенные пункты Норильск и Воркута за пределами торжественно спланированного центра представляли собой хаотичное нагромождение бараков, щитовых деревянных домов или палаток, мало приспособленных к арктическому климату. Лариса Назарова, приехавшая вслед за сосланным мужем в Норильск в 1952 г. и после закрытия лагеря ставшая главным архитектором города, так описывает место, где они поселились:

Вдоль Октябрьской улицы за линией домов громоздились самодельные жилые сарайчики, так называемые балки, заносимые снегом по самую крышу. Входы в них напоминали норы, ведущие в сугроб. Здесь не было улиц, адресов и номеров построек [Назарова, с. 479–480].

Судя по материалам комплексных северных экспедиций конца 1950-х гг., внешний вид и техническое устройство других полярных городов еще меньше подходили арктическому климату [Ястребов, с. 24].

³ Говоря о социальной среде лагерных поселений, историк Голфо Алексополос вводит метафору лагеря как «крутящейся двери» (revolving door), через которую за короткое время проходили тысячи человек, зачастую не задерживаясь надолго на одном месте [Alexopoulos, с. 274–306].

Серьезные изменения в арктических индустриальных поселениях произошли после смерти Сталина, что в первую очередь было связано с постепенным закрытием системы лагерей и, как следствие, с необходимостью поиска иных принципов организации промышленности и строительства в суровом климате без применения принудительного труда [Славин, 1958; Калеменева]. Одним из наиболее действенных мобилизационных инструментов по привлечению нового населения в промышленные центры стали так называемые комсомольские призывы. Строительство тех или иных индустриальных объектов объявлялось «комсомольскими стройками», и тысячи молодых людей и девушек из различных регионов страны отправлялись в неосвоенные северные районы. Одним из последствий этого стало коренное изменение социального ландшафта поселений, куда ежегодно после 1956 г. приезжали новые строители и рабочие, часть из которых закреплялась в регионе на долгое время.

Возникает вопрос, каким образом подобное «открытие» Крайнего Севера для новых миграционных потоков с середины 1950-х гг., а также создание индустриальных городов уже без использования труда заключенных повлияло на жизнь в этих поселениях? Ряд современных исследований, посвященных развитию индустриальных городов на Крайнем Севере во второй половине XX в., затрагивают проблемы формирования новой среды Севера и Сибири [Деятельность государственных органов...; Рожанский]. К примеру, М. Рожанский на материалах устной истории жителей «палаточного» Братска, оставшихся в городе на долгие годы, анализирует современные нарративы о первом этапе формирования новых городов в Сибири [Рожанский]. Он показывает, что добровольный переезд на «стройки социализма» воспринимался как абсолютно иной этап жизни для новоприбывших. Социальная среда этих городов формировалась практически с нуля, что открывало неповторимые возможности для приезжих из разных мест, рождало ощущение романтики покорения природы и создания города своими руками. А. Болотова также указывает на важную психологическую привязку населения северных городов к их месту проживания [Болотова, с. 171–172].

В современных интервью переселенцев периода оттепели практически нет критических описаний действительности конца 1950-х гг., хотя известно, что одной из самых серьезных проблем северных индустриальных городов был масштаб обратной миграции населения. В первые годы после основания Мирного в Якутии количество ежегодно уезжавших составляло половину от приехавших в город [Протоколы Первой городской комсомольской конференции]. Позднее советские экономисты отмечали, что одной из наиболее часто проговариваемых причин этого было недовольство условиями жизни [Куцев].

Преломление официального курса освоения Севера и общественных изменений на локальном уровне прослеживается на примере трех северных городов – Норильска, Воркуты и Мирного (а также окружа-

ющих их рабочих поселков). Все эти города основаны на необжитых территориях при строительстве крупных промышленных предприятий. Тяжелые природные условия препятствовали созданию качественной инфраструктуры, что приводило к многократному удорожанию строительства, осложняло снабжение и повседневную жизнь. При этом с 1956 г. все три города благодаря приезду тысяч новых рабочих превратились в растущие промышленные центры с формирующейся урбанистической средой и со схожими проблемами для населения.

Однако между этими городами существует определенная разница. Норильск и Воркута возникли в 1930–1940-е гг. параллельно с организацией лагерей системы ГУЛАГ. Статус города Воркута получила в 1943 г., а Норильск – только в 1953. В пространственном отношении привычный городской вид имели только административные центры поселений, застроенные каменными зданиями в стиле сталинского неоклассицизма. Основное же население жило в небольших рабочих поселках при шахтах, условия жизни в которых мало отличались от лагерных. И заключенные, и вольнонаемные зачастую проживали в бараках или балках на протяжении долгого времени. Третий населенный пункт – город Мирный – был основан в 1955 г. в связи с обнаружением крупнейшего месторождения алмазов на западе Якутии, поэтому он строился уже в новых обстоятельствах – без использования принудительного труда, с учетом уже имевшегося опыта в области технологии строительства в полярном регионе. Сопоставление этих процессов позволяет выявить, насколько схожие изменения происходили в индустриальных поселениях Крайнего Севера в конце 1950-х – начале 1960-х гг.

Новые обитатели северных поселений, приезжавшие в годы «оттепели», сталкивались с отсутствием привычных бытовых удобств центральных городов. То, на что в годы «героического освоения Севера» в 1930-е гг. можно было закрыть глаза, стало проблемой, проговаривавшейся на разных уровнях. Для того, чтобы проследить, как менялось отношение населения северных городов к условиям жизни, как менялся градус критики, артикулировались требования улучшения жилищных и бытовых условий, автором были проанализированы материалы местной прессы с 1955 по 1965 г. (норильская газета «Заполярная правда», воркутинская «Заполярье», газета «Мирненский рабочий»), а также упоминания о проблемах северных городов в центральной прессе этого периода. Эти сведения сопоставлялись и дополнялись информацией из доступных воспоминаний и архивных материалов – результатов обследований жилой среды этих городов в 1950–1960-е гг.

Советская пресса была действенным инструментом политического воспитания, поэтому материалы газет, с одной стороны, отражают колебания партийного курса, с другой – они использовались как канал коммуникации власти и населения. Следовательно, наполнение выпуска частично делегировалось трудящимся, самостоятельно писавшим в газету о жизненных проблемах. Однако при использовании этого источника исследователь должен определить степень репрезен-

тативности содержащейся в нем информации. Кто в действительно-сти составлял эти заметки, читатели или редакторы? Какова была их цель, и насколько достоверной и полной (с учетом цензурных ограничений⁴) была информация в советских газетных жалобах?

Во второй половине 1950-х гг. происходили важные изменения в функциях советской прессы – наряду с инструктивными и мобилизационными, она стала осуществлять задачу обратной связи между населением и администрацией [Грушин]. Поэтому даже если критические письма не полностью отражали действительность, то редакция (или вышестоящие инстанции) считали должным поднимать эти проблемы на страницах газет. Неизменная критика одних и тех же проблем на протяжении длительного времени свидетельствует о том, что в течение десятилетий конструктивного решения они не находили.

Репрезентация городов Севера в центральной прессе

Материалы местной прессы позволяют реконструировать, каким образом новая политика освоения Севера повлияла на появление критики условий жизни в северных городах. С середины 1950-х гг. стали регулярно выходить призывы лидеров партии и юридические постановления, нацеленные на освоение новых районов. Благодаря обнаружению и разведке большого количества ценнейших полезных ископаемых на Севере Сибири, в Якутии и на Дальнем Востоке в официальном дискурсе все чаще начинали звучать заявления о необходимости «всемерно развивать промышленность» северных регионов. С XX съезда КПСС особо подчеркивались значимость энергетических ресурсов Восточной Сибири и необходимость разведки нефтегазовых месторождений Западной Сибири [XX съезд, с. 80]. Из пятилетки в пятилетку увеличивались планы производства по различным отраслям тяжелой промышленности, что тоже стимулировало развитие и рост числа северных городов, являвшихся в основном промышленными моногородами. Об усилении внимания к региону также свидетельствует резкое увеличение инвестиций в развитие Крайнего Севера: в то время как с 1918 по 1960 г. на его освоение было направлено 13,5 млн руб., с 1961 по 1965 г. эта сумма составила 10,7 млн руб., а в следующие пятилетие – 17,9 млн руб. [Славин, 1972, с. 19].

Параллельно был предпринят ряд шагов по привлечению трудовых ресурсов для реализации нового курса. Одним из наиболее действенных мобилизационных инструментов были так называемые «северные льготы» – комплекс материальных и других поощрений для работников определенных отраслей. Подобные льготы законодательно были установлены Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от

⁴ К примеру, ни в норильской, ни в воркутинской газете никак не фигурирует упоминание о существовании исправительно-трудового лагеря при городе, также нигде не встречаются подробности, связанные с местными производственными комбинатами или их руководством.

10 мая 1932 г. На протяжении 1960-х гг. список районов, на которые они распространялись, и категорий лиц, которым они предоставлялись, неоднократно пересматривался. Однако об их высокой значимости свидетельствует то, что на основе этих постановлений происходило юридическое определение зоны Крайнего Севера. Социологические исследования конца 1960-х гг. показали, что материальный фактор был главным мотивом трудоустройства на северные предприятия и переезда в регион вместе с семьей [Навасардов, Сидоренко, Яновский, с. 42–43].

Другим способом стимулирования миграции являлись «комсомольские призывы», существенно изменившие социальный ландшафт Крайнего Севера. В каждый новый город или поселок переезжали молодые люди из разных регионов страны [Там же, с. 39]. К примеру, всего за полгода массовой кампании переезда комсомольцев, начавшейся с июня 1956 г., в Норильск приехало несколько тысяч молодых людей из Москвы и Ленинграда [На стройки Норильска – из Москвы, с. 1]. В результате этого в городах, возникавших на месте расформировывавшихся лагунков, создавалась «обычная» жизнь.

Это способствовало трансформации восприятия Крайнего Севера: в то время как ранее в популярных нарративах, будучи местом деятельности героев-полярников, он романтизировался как зона подвига и борьбы с суровой стихией [McCannon, 2011], с началом массовых мобилизационных кампаний Север все больше стал позиционироваться как равнозначный другим регионам страны. С конца 1950-х гг. наряду с нарративами о «штурме природных богатств Севера» зазвучали утверждения, что «одну из важных своих задач партия видит в коренном улучшении жилищных условий трудящихся» [XX съезд, с. 80]; для подтверждения этого приводились численные показатели ежегодного увеличения капиталовложений в эту сферу.

Итак, если в первые годы индустриального освоения Крайнего Севера основное внимание уделялось вопросам добычи полезных ископаемых и развития промышленности, то в многочисленных очерках и статьях центральной прессы середины 1950-х г. важнейшим символом освоения и «усвоения» Севера стали города, внешний облик которых обязательно сравнивался с обликом городов центральных. В качестве примера можно привести слова из статьи 1958 г. с примечательным названием «Наша Арктика»:

По своей оживленности улицы поселка мало чем отличаются от улиц любого нашего районного города. Бегут автомашины, трактора тянут санные прицепы, изредка пронесется вездеход. У ребятишек те же игры: катанье с гор, лыжи, коньки [Наша Арктика].

Заметно, что основными маркерами схожести северных городов с центральными служило указание на технологическую развитость поселений, а также на их социальное благополучие.

Стремительный рост внимания к Северу со стороны государственных органов сказался на организации жизни в северных городах, на материальном и социальном облике, а также на их репрезентации. Именно с этого момента северные города стали описываться в категориях не только «нормальной жизни», но и эстетики. В одном из многочисленных писем новоприбывших комсомольцев, опубликованном в газете «Правда» в 1956 г., можно прочесть:

Что характерно для жизни в Норильске? Жизнь такая же, как в Москве. В магазинах есть все необходимое. Правда, со свежими овощами иногда трудно. Больше всего нас удивила красота города. Прямые улицы, здания очень красивой архитектуры [У нас в Норильске].

В качестве доказательства «нормальности» этих мест было достаточно базовых элементов общественной сферы: клубов, столовых, спортивного зала, кружков, а также упоминания о наличии местной газеты [Там же].

Таким образом, поворот правительственного курса к индустриальному освоению Севера в 1950-е гг. кардинальным образом изменил регион с хозяйственной, социальной и символической стороны. В риторике центральной прессы индустриальные города Крайнего Севера изображались не только как символы покорения суровой природы, но и использовались в качестве доказательства однородности советского пространства, позволявшей создавать счастливую жизнь в любых природных условиях.

Критика жилищных условий на страницах северных изданий

В конце 1950-х гг. не существовало научно обоснованной концепции заселения этих районов, и миграционные потоки практически не поддавались регулированию [Яновский, с. 83]. Поэтому изменения материальной среды всех трех городов не поспевали за резким ростом населения. Основной темой локальных газет 1950-х гг. стала городская среда, поскольку именно она в эти годы претерпевала серьезные изменения ввиду расширения производства и больших миграционных потоков. Однако в отличие от героических нарративов центральной прессы, одним из самых распространенных сюжетов здесь стали проблемы строительства: статьи или письма, затрагивавшие эти вопросы, на протяжении всех рассматриваемых лет публиковались практически в каждом номере; появлялись и специальные рубрики, посвященные письмам читателей и редакторским откликам, красноречиво именовавшиеся «Короткие сигналы», «На тему дня», «По следам неопубликованных писем». Выходили они с завидной регулярностью – с 1950-х гг. практически в каждом выпуске

можно встретить подобные сообщения. Хотя перечисленным изданиям был свойственен разный уровень партийной выдержанности и тематический разброс, обсуждение проблем, связанных с урбанистической средой, в них было предельно схожим. К примеру, в Воркуте почти сразу после закрытия лагеря, с конца апреля – начала мая 1953 г., в газете «Заполярье» стала появляться информация о проблемах бытового характера, статьи с призывами «неустанно проявлять заботу о бытовых нуждах трудящихся» и критикой ее отсутствия [Алексеев]. Более того, если в первых выпусках публиковались только редакторские критические статьи, то уже с октября 1953 г. регулярно стали появляться жалобы населения с примечательными названиями вроде «Кто должен отремонтировать дом?» или «Одни обещания» [Орехов; Гурышев]. Безусловно, определенная часть статей была посвящена демонстрации успехов строительства и повседневного героизма строителей [Передовой опыт]. Но в качестве подтверждения обращалось внимание только на количественные показатели, выражающиеся в общей сумме квадратных метров, а не на качественные. К тому же сразу после 1956 г. заметки с резкой критикой условий быта становятся намного более распространенными.

С первых же выпусков становится заметным, что одним из наиболее актуальных вопросов во всех трех городах была проблема выполнения (вернее, срыва) планов жилищного строительства. К примеру, автор статьи под названием-призывом «Покончить с отставанием на строительстве» из Воркутинского «Заполярья» апеллировал к настораживающим цифрам: годовой план строительства жилых домов на 1953 г. за девять месяцев был выполнен всего на 30 %, а план сооружения культурно-бытовых объектов – на 17 % [Викторов]. Из дальнейшего текста статьи известно, что даже полный план предполагал строительство всего четырех домов. В то же время, по данным обследования, проведенного специальной комиссией архитекторов из Ленинграда в 1957 г., ситуация с жильем в городе была катастрофической: на одного человека приходилось 2,7 м², при этом весомая часть жилого фонда состояла из непригодных помещений ввиду их недопустимого охлаждения или частичного разрушения [Перспективы развития]. Местные сессии Городских советов депутатов трудящихся неоднократно констатировали, что строительство ведется «крайне медленно и неудовлетворительно» [Задачи работников].

Даже наличие должного оборудования на стройке не являлось залогом его эффективного использования. Так, корреспондент воркутинской газеты сообщала, что работники одной из городскихстроек не могли использовать имевшийся у них башенный кран, поскольку на стройплощадке не были установлены рельсы, по которым он мог бы передвигаться. Впрочем, даже решение этой проблемы не спасло бы от простоя – в коллективе строителей не было специалиста, который имел право им управлять [Митякина].

Условия жизни в городах оставались неудовлетворительными и в 1960-е гг. Обязательное после 1955 г. внедрение типового каменного строительства должно было распространяться и на зону Крайнего Севера. Однако сказывались слабая разработка технологии строительства в арктических условиях, отсутствие квалифицированных кадров и сложности с поставками оборудования и строительных материалов, а также высокая стоимость труда. Экономистами в эти годы было подсчитано, что строительство в полярном регионе обходилось дороже в три-пять раз по сравнению с более южными [Славин, 1965, с. 103]. Потому даже в конце 1960-х гг. в этих городах преобладали деревянные здания барачного типа, а также палатки и балки [Выписка из протокола № 4, с. 25]. В местной прессе конца 1950-х гг. виновниками трудностей со строительством привычно указывались сами строители или руководители местных трестов. Нередко статьи заканчивались подобными резюме: «конечно, виновата не техника. Виноваты люди, которые руководят, и люди, которые работают на этой технике» [Механизмам работать]. Однако стоит усомниться в верности выбранного объекта обвинения, поскольку в эти годы большинство использовавшейся на Крайнем Севере техники совершенно не было приспособлено к местным условиям, из-за чего последняя постоянно выходила из строя [Славин, б. г., с. 214].

Влияние реформы Н. С. Хрущева на репрезентацию жилищной проблемы в северных городах

Появление требований улучшения условий проживания было связано не только с приездом сотен рабочих из центральных регионов, но и являлось следствием жилищной реформы Н. С. Хрущева, повлиявшей на актуализацию вопросов бытового комфорта в конце 1950-х гг.

В программных работах по теории социалистической архитектуры сталинского времени постулировалось, что «архитектура должна отражать все величие и красоту социалистической эпохи» [Гегелло]. Это проявилось в особой архитектурной стилистике, соединившей помпезность и солидность, что требовало существенных затрат как при строительстве публичных зданий, так и при возведении жилищ [Косенкова]. Однако в отличие от первых, доступ к квартирам в этих жилых зданиях был обеспечен сравнительно малому числу нуждающихся в жилье.

В хрущевское время официально провозглашавшиеся принципы советской архитектуры претерпели серьезные изменения. Одним из центральных мероприятий нового курса был директивный переход на типовое индустриальное строительство [Smith]. В 1957 г. необходимость отдельной квартиры для семьи была определена законодательно, что повлекло за собой серьезные трансформации в сфере системы потребления в Советском Союзе. В результате новой жилищной

политики только с 1956 по 1965 г. почти треть населения СССР переехала в отдельные новые квартиры [Жуков, с. 1]. Став важным элементом официальной риторики, картины новых микрорайонов типовых домов и переезда в отдельную квартиру практически не сходили со страниц прессы и экранов кино с конца 1950-х гг., советским людям открывалась ценность частной жизни и культура быта. Важным изменением являлось то, что дискурс культуры потребления хрущевского времени распространялся не только на средний класс, но подчеркнуто на все слои населения, в риторике времени стала фигурировать апелляция не к «населению», а к «человеку».

Последствия перехода на типовое строительство в СССР не исчерпывались только улучшением бытовых условий населения: современные исследования показывают, что опыт переезда в собственную квартиру, конструируемые принципы «научно обоснованного» современного обустройства быта способствовали трансформации советской городской повседневности, породив новые культурные образы домостроения жилого пространства [Лебина; Varga-Harris; Reid]. Важным результатом этого процесса являлось то, что населению позволялось выдвигать требования к материальной среде.

Материалы местной прессы показывают, что красивые образы «современного домашнего быта», характерные для центральных изданий, не находили места на страницах локальной печати по причине того, что местные условия жизни сложно было отнести к благоустроенным. Однако переориентация официального дискурса и изменения общественных ожиданий способствовали всплеску откликов населения на состояние жилой среды и дали ему возможность быть требовательным к бытовому комфорту. Одним из ярких идейно-событийных нарративов в северных городах стало утверждение о возможности создания города своими руками, что нередко подразумевало исполнение желания иметь такие же условия жизни, как и по всей стране [Протоколы Первой городской комсомольской конференции]. Тон голосов «снизу», звучавших на страницах печати, становился все более уверенным и критическим.

Важной вехой для Норильска и Воркуты явился 1956 г., поскольку в это время жилищный вопрос стал проявляться особо остро из-за большого притока добровольцев на комсомольские стройки. Для приема новоприбывших не нашли ничего лучшего, как оперативно переоборудовать бараки, оставшиеся после закрытия лагерей, под общежития для прибывающих сотрудников. Работавшая в эти годы в Норильской проектной конторе Л. Назарова вспоминала, в каких условиях за пару недель это было необходимо сделать:

По приезду в поселок мы увидели: столбы выдернуты, колючая проволока ограды скатана, территория покрыта зеленоватым льдом, тянущимся от деревянной уборной. Вошли в первый попавшийся барак, и в нос пахло таким воздухом, что я чуть не упала в обморок. <...>

Там еще не были убраны нары в два яруса, закрывающие небольшие за-
решеченные окна... Я прикинула, что можно сделать в этих условиях.
Все нужно убрать, окна увеличить, а все пространство барака разделить
перегородками на три части и сделать квартирки. <...> По этой схеме
я переоборудовала бараки всех лаготделений [Назарова, с. 496–497].

Эта ситуация нашла отражение даже на страницах местной газе-
ты, где в течение пары недель (срок, который первая бригада комсо-
мольцев из Москвы находилась в пути до Норильска) публиковались
тревожные статьи, сообщавшие, что ничего не готово к их приезду:
у части бараков была разрушена кровля, у окон не было рам, окна
даже в «готовых» бараках либо не были окрашены, либо не закрыва-
лись, отопление отсутствовало [Беспечность к доброму не приведет].

Переезд новых горожан из центральных регионов на Крайний
Север совпал с частичной либерализацией местной печати, поэтому
о жилищных проблемах (особенно в общежитиях) стали говорить
намного чаще. В коллективном письме приехавших в Норильск
говорилось:

Нас поселили в зрительном зале клуба поселка Медвежий Ручей. Здесь
холодно, грязно, нет возможности спокойно отдохнуть после работы. Не-
редки случаи, когда по несколько дней не бывает горячей воды. Не соз-
даны условия для приготовления пищи, а столовой в поселке нет. <...>
Такое положение не может быть дальше терпимым [Короткие сигналы].

Публикация писем, столь откровенно рисующих недостатки, была
не самой распространенной практикой. Чаще критика формулиро-
валась более обтекаемо – как «ненормальные бытовые условия в не-
которых общежитиях» [По следам неопубликованных писем]. Судя
по публикуемым материалам, проблемы были не только в общежи-
тиях, перестроенных из бывших бараков, но и в капитальном фонде.
К примеру, в одном из писем из Норильска сообщалось, что в доме, «где
живет 300 человек взрослых и 120 детей, всю зиму не работала отопи-
тельная система. На все четыре этажа имеется только один санузел...
часто не бывает электросвета» [Иланский, Никифоров, Борсин].

В 1960-е гг., когда в северных городах активнее стало внедрять-
ся типовое каменное строительство, вопросы качества жизни стали
подниматься чаще из-за сложностей капитального строительства
в арктическом климате. Газеты печатали обращения с жалобами на
«страшный холод», вследствие которого хозяевам «не в радость бла-
гоустроенная квартира», или о «текущей с потолка воде» [Человек
приходит домой]. В жалобах 1960-х гг. все чаще встречается не про-
сто формальная фраза, призывающая к «заботе о благосостоянии
населения», нередко являющаяся прямой калькой с текстов высту-
плений лидеров партии: говоря о плохих условиях жизни, авторы
уже констатируют отсутствие этой заботы. Так, характеризуя усло-

вия проживания в одном из общежитий Мирного в 1962 г., автор письма апеллирует к необходимости заботы о простых рабочих, упрекая руководителей треста в том, что они «забывают, что все это сделано руками людей, и зачастую не заботятся о создании для них нормальных бытовых условий» [Егорова]. При этом в публикациях центральных изданий сообщали о технических и промышленных победах СССР – строительстве ГЭС, прокладывании каналов и прочих «трудовых подвигах». Бесспорна мобилизационная направленность подобной информации, призывающей к повседневному героизму, а также демонстрирующей возрастающую мощь современных технологий, по соседству с которой сообщения о неподобающем уровне жизни конкретного города смотрелись особо контрастно. Таким образом, активизация жалоб являлась не только результатом остро назревшей проблемы, но и была спровоцирована официальными обещаниями «улучшения благосостояния каждой советской семьи», а также изменением общественных ожиданий и границ требований к бытовым условиям.

Судя по материалам, из рассматриваемых городов наиболее сложной была ситуация в Мирном, где директивными решениями и составлением планов на бумаге разрешить жилищную проблему никак не удавалось. К примеру, в одном из выпусков «Мирненского рабочего» за 1963 г. был опубликован отчаянный крик:

...Планы срываются из года в год. В результате до настоящего времени не ликвидированы палаточные городки, более 1300 человек проживают в палатках, насыпных землянках, сараях, сотни семей ютятся в бараках, именуемых общежитиями... В результате у города до сих пор нет лица, у него нет дорог, нет благоустройства, нет нормального водоснабжения и канализации [Басанец].

По архивным источникам можно судить о том, что проект Мирного был действительно составлен с большими ошибками. Так, руководитель сектора Севера Ленинградского филиала Академии строительства и архитектуры Б. Муравьев в отчете по исследованию современной застройки северных городов отмечал:

...Проект Мирного разработан... без учета специфических условий Крайнего Севера и наличия многолетнемерзлых грунтов и без правильного прогноза бурного развития Мирного. <...> Потому население города уже сейчас испытывает большие трудности в организации нормальной жизни, быта и отдыха, что, безусловно, сказывается и на производительности труда [Тезисы выступления Муравьева Б. В.].

Примечательно эмоциональное завершение процитированной ранее газетной статьи, содержащее в себе оттенок будущего, вернее, угрозы его ненаступления:

Каждый месяц, каждый день такого строительства [по устаревшим проектам] грозит Мирному навсегда потерять возможность стать современным городом, навсегда остаться тем, что он есть, – поселением времен 1930-х годов [Басанец].

В этом отрывке интерес вызывает отождествление будущего с категорией современности, равно как и негативное использование образа города 1930-х гг., противопоставленного желаемой современности (парадоксально, что сам город был основан в 1950-е).

Таким образом, столкновение крайне неудовлетворительных бытовых условий в городах Крайнего Севера и дискурса о силе современной науки и техники, так же, как и декларируемой партийными лидерами заботы о советском человеке и постоянных срывов жилищного строительства на местах, способствовало формированию публичных требований улучшения жилой среды. В официальное понятие «современного уровня жизни» включался минимальный набор услуг, необходимых для жилищной реформы – отдельная теплая квартира в сочетании с базовыми элементами социальной сферы (детские сады и школы, больницы и магазины).

Практически невозможно установить, какие люди и какие дискуссии стояли за критическими письмами в газеты. Важнее показать, что именно в это время в арктических городах появляются требования улучшения жилой среды, ее адаптации к условиям Крайнего Севера, и одной из причин появления усиленного внимания к этим проблемам стало усиление критики в самих северных индустриальных городах, что значительно углубляет те социологические исследования мотиваций и трудностей переселенцев в районы Севера и Сибири, которые ведутся с конца 1960-х гг.

* * *

Начавшиеся в середине 1950-х гг. масштабные проекты по освоению Крайнего Севера СССР привели к серьезным изменениям социальной среды и материального пространства региона. На не обжитых ранее территориях с суровыми природными условиями за пару десятилетий возникло несколько сотен городов и рабочих поселков, население которых составляли в основном приезжие из более южных районов. Все это способствовало интериоризации огромных территорий Севера в пространство советской политики и культуры. Условия жизни в тех поселениях были далеки от комфортных, но происходившие в годы «оттепели» изменения привели к актуализации требований достойных бытовых условий для населения как в официальных нарративах, так и в среде поселенцев.

В 1950–1960-е гг. в рассмотренных нами трех северных городах произошло изменение отношения к городским проблемам, обусловленное рядом политических и общественных факторов.

Происходившие тогда перемены в официальной риторике и изменение социального состава населения северных городов способствовали появлению рефлексии на бытовые проблемы на страницах местных изданий. И хотя они не привели к быстрому кардинальному решению проблем, так как жилищное строительство сопровождалось в этих городах большими трудностями, и даже в 1960-е гг. не все нуждающиеся категории граждан могли переселиться из бараков в обещанные квартиры, однако эти перемены дали возможность публично требовать улучшений условий жизни. Именно на страницах местной прессы происходила фиксация несоответствия рисовавшейся в официальной риторике «красивой жизни» и реальных условий, которая затем проникала и в центральные издания, диктуя запрос на серьезное улучшение городской среды.

Список литературы

- Алексеев Г. Благоустройство // Заполярье. 1953. 31 мая. С. 4.
- Басанец В. Жилищное строительство – под контроль Совета // Мирненский рабочий. 1962. 27 янв. С. 3.
- Болотова А. «Если ты полюбишь Север, не разлюбишь никогда» : взаимодействие с природой в северных промышленных городах // Неприкосновенный запас. 2014. № 5 (97). С. 170–188.
- Викторов В. Покончить с отставанием на строительстве // Заполярье. 1953. 11 окт. С. 4.
- Выписка из протокола № 4 заседания бюро Верхоянского районного комитета КПСС // РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 8. Л. 25.
- Гегелло А. И. Социалистический реализм в архитектуре : Основные черты советской архитектуры // ЦГАЛИ СПб. Ф. 347. Оп. 2. Д. 85.
- Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале общественного мнения : в 4 кн. М. : Прогресс-Традиция, 2001. Кн. 1. 624 с.
- Гурышев К. Одни обещания // Заполярье. 1953. 18 окт. С. 3.
- Деятельность государственных органов по индустриальному освоению Сибири в XX – начале XXI века : сб. науч. тр. Вып. 1. Новосибирск : Сибир. науч. изд-во, 2009. 226 с.
- Егорова Ф. Не откладывать в долгий ящик // Мирненский рабочий. 1962. 15 февр. С. 3.
- Жуков К. Техническая эстетика и оборудование квартир // Техническая эстетика. 1962. № 2. С. 1–3.
- Задачи работников строительной индустрии // Заполярная правда. 1956. 10 янв. С. 1.
- Иланский И., Никифоров Г., Борсин В. Не занимаются бытом // Заполярная правда. 1956. 10 мая. С. 4.
- Калеменева Е. А. Город под куполом: советские архитекторы и освоение Крайнего Севера в 1950–1960-е годы // Bulletin des Deutsches Historisches Institut Moskau. 2013. № 7. С. 93–108.
- Косенкова Ю. Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов : От творческих поисков к практике строительства. 2-е изд., доп. М. : Либроком, 2008. 440 с.
- Куцев Г. Ф. Человек на Севере. М. : Политиздат, 1989. 217 с.
- Лебина Н. Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы : Деструкция большого стиля : Ленинград, 1950–1960-е гг. СПб. : Победа, 2015. 484 с.
- Митякина Т. Справедливая критика // Заполярье. 1955. 25 февр. С. 2.
- Навасардов С. М., Сидоренко И. В., Яновский В. В. Опыт демографического обоснования проектирования экспериментальных жилых комплексов на Северо-Востоке СССР // Тр. Сев.-Вост. комплекс. науч.-исслед. ин-та. М. : Наука, 1967. С. 39–51.

- Назарова Л. «Мы, молодые архитекторы, не сдавались и свято верили лозунгу “Все во имя человека, все для блага человека”» // О времени, о Норильске, о себе / ред.-сост. Г. И. Касабова. Кн. 5. М. : ПолиМедиа, 2004. С. 472–551.
- Наша Арктика // Известия. 1958. 1 июня. С. 3.
- Орехов Б. Кто должен отремонтировать дом? // Заполярье. 1953. 14 окт. С. 3.
- Передовой опыт новаторов производства // Заполярная правда. 1956. 3 янв. С. 2.
- Перспективы развития населенных мест Крайнего Севера [1958] // ЦГАНТД. Ф. 17. Оп. 2–2. Д. 432. Л. 32.
- По следам неопубликованных писем // Заполярная правда. 1956. 9 февр. С. 4.
- Протоколы Первой городской комсомольской конференции // НАРС. Ф. 3051. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.
- Рожанский М. Я. Оттепель на сибирском морозе : Устная история сибирских строков. // Отеч. зап. 2012. № 5 (50). С. 184–206.
- Славин С. В. Наступление на Север // РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 18. Л. 214.
- Славин С. В. Некоторые закономерности хозяйственного развития Севера и пути повышения его эффективности // Проблемы Севера. Вып. 16. 1965. С. 103.
- Славин С. В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. М. : Изд-во экон. лит-ры, 1961. 301 с.
- Славин С. В. Развитие производительных сил Севера и проблемы регионального научного прогресса // Проблемы Севера. Вып. 17. 1972. С. 5–20.
- Славин С. В. Северо-Восток Советского Союза как новый формирующийся экономический район : докл. на секции район. и междунар. комплекс. проблем. М. : [Б. и.], 1958. 30 с.
- Соля Э. Как писать о городе с точки зрения пространства? // Логос. 2008. № 3. С. 130–140.
- Тезисы выступления Муравьева Б. В. в Совете министров Якутской ССР о строительстве на Крайнем Севере и Северо-Востоке СССР от 21 августа 1961 года // ЦГАНТД СПб. Ф. 17. Оп. 1–1. Д. 502. Л. 1.
- У нас в Норильске // Комсомольская правда. 1956. 25 дек. С. 2.
- XX Съезд КПСС : 14–25 февраля 1956 года : стеногр. отчет : в 2 т. М. : Политиздат, 1956. Т. 1. 640 с.
- Человек приходит домой // Заполярная правда. 1964. 12 янв. С. 1.
- Человеческий В. В. Проблемы освоения Севера с привлечением минимальных трудовых ресурсов // Тр. Сев.-Вост. комплекс. науч.-исслед. ин-та. М. : Наука, 1967. С. 81–94.
- Ястребов А. Л. Освоение Крайнего Севера и проблемы строительства // Проблемы Севера. 1964. Вып. 10. С. 19–28.
- Alexopoulos G. Amnesty 1945 : The Revolving Door of Stalin's Gulag // Slavic Rev. 2005. Vol. 64, № 2. P. 274–306.
- Barenberg A. Gulag Town, Company Town : Forced Labor and Its Legacy in Vorkuta. N. Haven ; L. : Yale Univ. Press, 2014. 352 p.
- Josephson P. R. The Conquest of the Russian Arctic. Cambridge ; Massachusetts : Harvard Univ. Press, 2014. 441 p.
- McCannon J. Red Arctic : Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union. N. Y. ; Oxford : Oxford Univ. Press, 1998. 256 p.
- McCannon J. Tabula Rasa in the North : The Soviet Arctic and Mythic Landscapes in Stalinist Popular Culture // Studies in Modernity and National Identity: Landscape of Stalinism: The Art and Ideology of Soviet Space / ed. by E. A. Dobrenko, E. Naiman. Seattle : WA, 2011. pp. 241–260.
- Reid S. Cold War in the Kitchen : Gender and the De-Stalinization of Consumer Taste in the Soviet Union under Khrushchev // Slavic Rev. 2002. Vol. 61. № 2, pp. 211–252.
- Smith M. Property of Communists : The Urban Housing Program from Stalin to Khrushchev. DeKalb, IL : Univ. of Northern Illinois Press, 2010. 252 p.
- Varga-Harris C. Homemaking and the Aesthetic and Moral Perimeters of the Soviet Home During the Khrushchev Era // J. of Social History. 2008. Vol. 41. № 3, pp. 561–589.

References

(1956). 20 S"ezd KPSS. 14–25 fevralya 1956 goda. Stenograficheskiy otchet. T. 1. [20th Congress of the Communist Party of USSR. Feb. 14–25, 1956. Verbatim Report]. 640 p. Moscow, Politizdat.

- (1956). *Peredovoy opyt novatorov proizvodstva* [Foremost Experience of Industrial Inventors], In *Zapolyarnaya Pravda*. 3 Jan. P. 2.
- (1956) Po sledam neopublikovannykh pisem [Following Unpublished Letters], In *Zapolyarnaya Pravda*. 9 Feb. P. 4.
- (1956). U nas v Noril'ske [Here, in Norilsk], In *Komsomol'skaya Pravda*. Dec. 25. P. 2.
- (1956). Zadachi rabotnikov stroitel'noy industrii [Tasks of Building Industry Workers], In *Zapolyarnaya Pravda*. 10 Jan. P. 1.
- (1958). Nasha Arktika [Our Arctic]. In *Izvestiya*. Jun. 1. P. 3.
- (1964). Chelovek prikhodit domoy [Man Comes Home]. In *Zapolyarnaya Pravda*. 12 Jan. P. 1.
- (2009). Deyatel'nost' gosudarstvennykh organov po industrial'nomu osvoeniyu Sibiri v 20 – nachale 21 veka. Vyp. 1 [Activities of the State Institutions for Industrial Development of Siberia. Vol. 1]. 226 p. Novosibirsk, Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo.
- Alexeev, G. (1953). Blagoustroystvo [Domestic Improvement]/ In *Zapolyar'e*. May 31. P. 4.
- Alexopoulos, G. (2005). Amnesty 1945: The Revolving Door of Stalin's Gulag, In *Slavic Rev. Vol. 64, № 2*, pp. 274–306.
- Barenberg, A. (2014). *Gulag Town, Company Town: Forced Labor and Its Legacy in Vorkuta*. 352 p. N. Haven, L., Yale Univ. Press.
- Basanets, V. (1962). Zhilishchnoe stroitel'stvo – pod kontrol' Soveta [Housing – under Control of the Council], In *Mirnenskiy rabochiy*. 27 Jan. P. 3.
- Bolotova, A. (2014). “Esli ty polyubish' Sever, ne razlyubish' nikogda” : vzaimodeystvie s prirodoy v severnykh promyshlennyykh gorodakh [If You Fall in Love with the North, You Will Never Fall out of Love with It: Interactions with Nature in Northern Industrial Cities], In *Neprikosnovennyy zapas*, 5 (97), pp. 170–188.
- Egorova, F. (1962). Ne otkladyvat' v dolgy yashchik [Do not Lay aside], In *Mirnenskiy rabochiy*. 15 Feb. P. 3.
- Goldin, V. I. (2011). Arktika v mezhdunarodnykh otnosheniyakh i geopolitike v 20 – nachale 21 veka: vekhi istorii i sovremennost' [The Arctic in International Relations and Geopolitics in the 20th – Early 21st Centuries], in *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2, pp. 22–34.
- Grushin, B. A. (2001). *Chetyre zhizni Rossii v zerkale obshchestvennogo mneniya. Kn. 1*. [Four Lives of Russia through the Mirror of Public Opinion. Vol. 1]. 624 p. Moscow, Progress-Traditsiya.
- Guryshchev, K. (1953) Odni obeshchaniya [Only Promises]. In *Zapolyar'e*. 18 Oct. P. 3.
- Ilansky, I. & Nikiforov, G. & Borsin, V. (1956) Ne zanimayutsya bytom [They do not Take Care of Domestic Space]. In *Zapolyarnaya Pravda*. 10 May. P. 4.
- Josephson, P. R. (2014) *The Conquest of the Russian Arctic*. 441 p. Cambridge, Massachusetts, Harvard Univ. Press.
- Kalmeneva, E. A. (2013). Gorod pod kupolom: sovetskie arkhitektory i osvoenie Kraynego Severa v 1950–1960-e gody [City under the Dome: Soviet Architects and the Development of the Far North between the 1950s and 1960s]. In *Bulletin des Deutsches Historisches Institut Moskau*, 7, pp. 93–108.
- Kosenkova, Yu. L. (2008). *Sovetskiy gorod 1940-kh – pervoy poloviny 1950-kh godov. Ot tvorcheskikh poiskov k praktike stroitel'stva* [Soviet City of the Late 1940s – First Part of the 1950s. From Creative Search to Building Practice]. 440 s. Moscow, Librikom.
- Kutsev, G. F. (1989). *Chelovek na Severe*. [Man in the North]. 217 p. Moscow, Politizdat.
- Lebina, N. B. (2015). *Povsednevnost' epokhi kosmosa i kukuruzy. Destruktivnaya bol'shogo stilya. Leningrad, 1950–1960 gg.* [Everyday Life of the Epoch of Space and Corn. Deconstruction of the Big Style]. 484 p. St Petersburg, Pobeda.
- McCannon, J. (1998). *Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union*. 256 p. N. Y., Oxford, Oxford Univ. Press.
- McCannon, J. (2011). Tabula Rasa in the North: The Soviet Arctic and Mythic Landscapes in Stalinist Popular Culture. Dobrenko E. A., Naiman E. (Eds). *Studies in Modernity and National Identity: Landscape of Stalinism: The Art and Ideology of Soviet Space*, pp. 241–260. Seattle, WA.
- Mityakina, T. (1955). Spravedlivaya kritika [Fair Criticism]. In *Zapolyar'e*. 25 Feb. P. 2.
- NARS [National Archive of the Sakha Republic]. Stock 3051. List 1. Dos. 11.
- Navasardov, S. M. & Sidorenko, I. V. & Yanovskiy, V. V. (1967). Opyt demograficheskogo obosnovaniya proektirovaniya eksperimental'nykh zhilykh kompleksov na Severo-Vostoke SSSR [The Experience of Demographic Explanation of Designing of Experimental

House Complexes in the North-East of the USSR]. In *Trudy Severo-Vostochnogo kompleksnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*. Moscow, Nauka, pp. 39–51.

Nazarova, L. (2004). “My, molodye arkhitektory, ne sdavalis’ i svyato verili lozungu ‘Vse vo imya cheloveka, vse dlya blaga cheloveka’” [“We, Young Architects, Did not Give up and sacredly Believed in the Motto ‘Everything in Honour of Humankind, Everything for the Wellbeing of the People’”]. In Kasabova, G. I. (ed). *O vremeni, o Noril'ske, o sebe. Kniga 5*. (pp. 472–551). Moscow, PoliMedia.

Orekhov, B. (1953). Kto dolzhen otremontirovat’ dom? [Who Should Repair the House?]. In *Zapolyar’e*. 14 oct. P. 3.

Reid, S. (2002). Cold War in the Kitchen: Gender and the De-Stalinization of Consumer Taste in the Soviet Union under Khrushchev. In *Slavic Rev*, Vol. 61, № 2, pp. 211–252.

RGAE [Russian State Archive of Economics]. Stock. 746. List 1. Dos. 18.

RGASPI [Russian State Archive of Socio-economic History]. Stock 556. List 14. Dos. 8.

Rozhanskiy, M. Ya. (2012). Ottepel’ na sibirskom morose : Ustnaya istoriya sibirskikh stroek [The Thaw in Siberian Frost. Oral History of Siberian Construction Works]. In *Otechestvennye zapiski*, 5 (50), pp. 184–206.

Slavin, S. V. (1958). *Severo-Vostok Sovetskogo Soyuza kak novyy formiruyushchiysya ekonomicheskii rayon : Doklad na sektiis rayonnykh i mezhdunarodnyy kompleksnykh problem* [The North-East of the USSR as a New Emerging Economic Region. Report on the Session of Regional and International Complex Problems]. 30 p. Moscow.

Slavin, S. V. (1961). *Promyshlennoe i transportnoe osvoenie Severa SSSR* [Industrial and Transport Mastering of the North of the USSR]. 301 p. Moscow, Izdatel'stvo ekonomicheskoy literatury.

Slavin, S. V. (1965). Nekotorye zakonomernosti khozyaystvennogo razvitiya Severa i puti povysheniya ego effektivnosti [Some Objective Laws of the Development of the North and Ways to Increase Its Effectiveness]. In *Problemy Severa*, 16, pp. 103.

Slavin, S. V. (1972). Razvitie proizvoditel'nykh sil Severa i problemy regional'nogo nauchnogo progressa [The Development of Productive Forces of the North and Issues of Regional Scientific Progress]. In *Problemy Severa*. Vol. 17, pp. 5–20.

Smith, M. (2010). *Property of Communists : The Urban Housing Program from Stalin to Khrushchev*. 252 p. DeKalb, IL, Univ. of Northern Illinois Press.

Soya, E. (2008) Kak pisat’ o gorode s tochki zreniya prostranstva? [How to Write about a City in Terms of Space?]. In *Logos*, 3, pp. 130–140.

TsGALI SPb [Central State Archive of Literature and Arts, St Petersburg]. Stock 347. List 2. Dos. 85.

TsGANTD SPb [Central State Archive of Scientific-Technical Documentation]. Stock 17. List 2–2. Dos. 432. Stock 17. List 1–1. Dos. 502.

Varga-Harris, C. (2008). Homemaking and the Aesthetic and Moral Perimeters of the Soviet Home during the Khrushchev Era. In *J. of Social History*. Vol. 41, № 3, pp. 561–589.

Viktorov, V. (1953). Pokonchit’ s otstavaniem na stroitel'stve [To Finish the Underun in Construction Works]. In *Zapolyar’e*. 11 Oct. P. 4.

Yanovsky, V. V. (1967). Problemy osvoeniya Severa s privilecheniem minimal'nykh trudovykh resursov [Problems of Development of the North with Minimal Labour Resources]. In *Trudy Severo-Vostochnogo kompleksnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*. Moscow, pp. 81–94.

Yastrebov, A. L. (1964). Osvoenie Kraynego Severa i problemy stroitel'stva [Mastering of the Extreme North and the Problems of Construction Works]. In *Problemy Severa*, 10, pp. 19–28.

Zhukov, K. (1962). Tekhnicheskaya estetika i oborudovanie kvartir [Technical Aesthetics and Facilities in Apartments]. In *Tekhnicheskaya Estetika*, 2, pp. 1–3.

The article was submitted on 15.05.2016